

О ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ

Льва Николаевича
ТОЛСТОГО.

Записки В. Черткова.

2

РАНЕНБУРГЪ.

Типографія Братъевъ Колпаковыхъ.

1911.

3

О послѣднихъ дняхъ Льва Николаевича Толстого.

Записки В. Черткова*).

Такъ какъ мнѣ выпало на долю большое счастье и утѣшеніе находится около Льва Николаевича Толстого въ теченіе послѣднихъ дней его жизни, то я не только чувствую душевную потребность, но и сознаю своей обязанностью подѣлиться съ другими тѣмъ, что я видѣлъ и слышалъ въ это время.

Все касающееся Льва Николаевича, а тѣмъ болѣе то, что онъ переживалъ на своемъ смертномъ одрѣ, естественно, представляетъ большой интересъ для многихъ и многихъ. А потому надобно надѣяться, что всѣ присутствовавшіе около Льва Николаевича въ Астаповѣ въ эти знаменательные дни предадутъ въ свое время гласности свои воспоминанія и впечатлѣнія.

Съ своей стороны, я здѣсь постараюсь изложить какъ можно проще только то, чему я лично былъ свидѣтелемъ, предоставляя другимъ присутствовавшимъ пополнить картину тѣмъ, что происходило въ моемъ отсутствіи.

Буду радъ, если мнѣ удастся передать читателямъ хоть нѣкоторое представленіе о внутренней и внѣшней жизни Льва Николаевича въ теченіе этихъ послѣднихъ дней, проведенныхъ имъ среди насъ.

Послѣ ухода Льва Николаевича 28-го октября изъ Ясной Поляны, все еще находясь подъ радостнымъ впечатлѣніемъ этого событія, я получилъ, 1-го ноября, въ 4-мъ часу дня, почти одновременно, слѣдующія двѣ телеграммы: одна — отъ Л. Н-ча изъ Астапова: „Вчера захворалъ. Пассажиры видѣли, ослабѣвши шель съ поѣзда. Боюсь огласки. Нынче лучше. Ёдемъ дальше. Примите мѣры. Извѣстите.

4

Николаевъ“ (условленный между нами „псевдонимъ“ Л. Н-ча). Другая — отъ Александры Львовны Толстой оттуда же: „Вчера слѣзли Астапово. Сильный жаръ, забытье, утромъ температура нормальная, теперь снова ознобъ. Ёхатъ немислимо. Выражалъ желаніе видѣться вами. Фролова“ (условная подпись А. Л-ны).

Изъ этого я понялъ, что Л. Н-чъ, захворавъ на станціи Астапово и опасаясь, какъ бы не узнали объ его мѣстопробываніи, просилъ меня принять мѣры къ тому, чтобы онъ былъ своевременно извѣщенъ въ случаѣ, если погонятся за нимъ.

Узнавъ такимъ образомъ, что Л. Н-чъ желаетъ видѣться со мной, я выѣхалъ съ первымъ ночнымъ поѣздомъ изъ Тулы и прибылъ въ Астапово въ 9 часовъ утра 2-го ноября. Меня встрѣтилъ мѣстный начальникъ станціи Иванъ Ивановичъ Озолинъ, оказавшійся очень милымъ и добрымъ человѣкомъ, всѣмъ сердцемъ преданнымъ Л. Н-чу, которому онъ уступилъ сначала двѣ своихъ комнаты, а потомъ и всю свою квартиру, перебравшись въ другое мѣсто съ женой и дѣтьми. Онъ провелъ меня въ эту свою квартиру, гдѣ я засталъ Л. Н-ча въ постели, весьма слабымъ, но въ полной памяти.

Онъ очень обрадовался мнѣ, протянулъ мнѣ свою руку, которую я осторожно взялъ и поцѣловалъ. Онъ прослезился и тотчасъ же сталъ спрашивать, какъ у меня дома.

Во время нашей бесѣды онъ сталъ тяжело дышать и охатъ и сказалъ: „Обморокъ гораздо лучше: ничего не чувствуешь, а потомъ проснулся, и все прекрасно“. Видимо, болѣзнь заставляла его физически страдать.

Вскорѣ онъ заговорилъ о томъ, что въ эту мннуту его, очевидно, больше всего тревожило. Съ особеннымъ оживленіемъ онъ сказалъ мнѣ, что нужно принять всѣ мѣры къ тому, чтобы Софья Андреевна не пріѣхала къ нему. Онъ нѣсколько разъ съ волненіемъ спрашивалъ меня, что она собирается предпринять. Когда я сообщилъ ему, что она заявила, что не станетъ противъ его желанія добиваться свиданія съ нимъ, то онъ почувствовалъ

5

большое облегченіе и въ этотъ день уже больше не заговариваль со мной о своихъ опасеніяхъ.

Онъ спрашиваль меня про А. Б. Гольденвейзера, про свою дочь Т. Л. Сухотину и про то, что дѣлается въ Ясной Полянѣ, на что я отвѣчалъ ему, насколько могъ, въ успокоительномъ смыслѣ. Между прочимъ онъ сказалъ: „Я получилъ хорошее письмо отъ Сережи*). Онъ очень твердъ, согласенъ съ моимъ уходомъ“ . . .

Затѣмъ, вспомнивъ мое послѣднее письмо къ нему по поводу присланной ему изъ Ниццы книги П. П. Николаева „Понятіе о Богѣ, какъ совершенной основѣ жизни“, Л. Н. очень сочувственно о ней отозвался, замѣтивъ, что авторъ „обосновываетъ свою мысль обстоятельно и основательно“.

Потомъ Л. Н. спросилъ меня, нѣтъ ли вѣстей отъ Ивана Ивановича (Горбунова). Я сказалъ о томъ, что И. И. въ напечатанной бесѣдѣ съ интервьюеромъ сочувственно и сердечно отозвался объ уходѣ Л. Н-ча.

Сказалъ я ему также, что Марья Александровна (Шмидтъ) шлетъ ему привѣтъ, сочувствуетъ ему и понимаетъ, что онъ не могъ поступить иначе.

Онъ слушалъ все съ большимъ вниманіемъ. Опять упомянулъ про Ив. Ив-ча, что ждетъ отъ него книжечекъ**).

Мы молчали. Л. Н. протянулъ руку въ мою сторону. Я нагнулся къ нему. Но онъ тоскливо прошепталъ: „Нѣтъ, я такъ“.

Я. „Что, трудно вамъ?“

Л. Н. „Слабость большая, слабость“. Потомъ, помолчавъ: „Галя****) васъ легко отпустила?“

Я. „Конечно. Она сказала даже, что рада будетъ, если я провожу васъ дальше на югъ“.

Л. Н. „Нѣтъ, зачѣмъ, нѣтъ“.

Нѣсколько позже онъ спросилъ меня, не пріѣхалъ ли къ С. А-нѣ врачъ-психіатръ. На мой утвердительный отвѣтъ онъ спросилъ: „Не Россоломо ли?“ Я сказалъ, что нѣтъ.

6

Послѣ молчанія: „А ваша мать, Елизавета Ивановна, гдѣ?“

Я. „Въ Каннѣ. Она телеграфировала, спрашивала о вашемъ здоровьѣ“.

Л. Н. „Какъ, развѣ тамъ уже извѣстно?“

Потомъ онъ сказалъ мнѣ: „До свиданія. А дѣвушки наши спятъ?“

Я вышелъ и вызвалъ Александру Львовну.

Днемъ, когда я дежурилъ около его кровати, Л. Н., замѣтивъ, что я безъ своихъ обычныхъ перчатокъ, спросилъ: „А у васъ экзема прошла?“

Въ этотъ день я былъ свидѣтелемъ характернаго проявленія добродушнаго юмора, не покидавашаго Л. Н-ча даже въ минуты тяжелыхъ страданій.

Л. Н. лежалъ на боку, тяжело дыша, и стоналъ. Въ это время, по поводу маленькаго инцидента, не совсѣмъ „печатнаго“ свойства, онъ вдругъ съ улыбкой повторилъ шутку одной отличавшейся остроуміемъ умиравшей французской писательницы, по такому же поводу неожиданно сострившей надъ собою къ изумленію присутствовавшихъ, считавшихъ ее въ агоніи. При этомъ Л. Н. посмотрѣлъ на меня, желая рассказать про этотъ невольно вспомнившійся ему анекдотъ. Я прервалъ его, смѣясь: „Знаю, Л. Н., знаю, вы мнѣ это уже когда-то рассказывали“. И я прибавилъ, что пересказалъ однажды этотъ анекдотъ моей матери, которая однако не оцѣнила шутки, потому что ей стало жалко, что умиравшій человекъ забавлялся такими пустяками. Л. Н. утвердительно кивнулъ головой, тотчасъ же понявъ точку зрѣнія моей матери. Потомъ, помолчавъ немного, онъ сосредоточенно прибавилъ: „Эта госпожа... (онъ назвалъ ея имя, которое я запомнилъ) была очень серьезная и достойная женщина. Она была другъ Руссо, значить, раздѣляла его взгляды. То-есть, — добавилъ онъ медленно, взвѣсивъ каждое слово, какъ бы формулируя для самого себя что-то имѣвшее для него серьезное значеніе, — т. е... она была... религіозна... но не правовѣрна“.

7

Около 5-ти часовъ того же дня Л. Н., вѣроятно, желая разсѣять немного свои мысли, попросилъ меня почитать ему что-нибудь изъ газетъ. Я взялъ лежавшій около меня на столѣ номеръ какой-то газеты и, развернувъ его, сталъ читать чье-то сообщеніе о причинахъ ухода Л. Н-ча изъ Ясной. По этому поводу я сказалъ Л. Н-чу, что въ отвѣтъ на поступавшіе ко мнѣ со всѣхъ сторонъ запросы я послалъ въ газеты письмо по поводу его ухода. Онъ заинтересовался моимъ письмомъ, котораго однако еще не было въ этомъ номерѣ газеты. Сопровождавшій меня въ Астапово молодой другъ мой Алексѣй Сергѣенко, слышавшій изъ сосѣдней комнаты нашъ разговоръ, принесъ мнѣ имѣвшійся у него списокъ этого письма, который я и сталъ читать Л. Н-чу. Во время чтенія кто-то насъ прервалъ. Возобновляя чтеніе, я хотѣлъ уже прямо приступить къ газетѣ, но Л. Н. спросилъ о моемъ письмѣ: „Это все?“ — „Нѣтъ, еще есть“. — „Такъ дочитайте“. Онъ прослушалъ все до конца съ величайшимъ вниманіемъ. Докончивъ чтеніе моего письма и взглянувъ на него, я замѣтилъ, что онъ плакалъ. „Прекрасно“, — проговорилъ онъ съ умиленіемъ. Потомъ я почиталъ ему кое-что изъ тѣхъ вѣстей о немъ, которыми въ эти дни переполнены были газеты. Сначала онъ какъ-будто слушалъ со вниманіемъ, но вскорѣ, — какъ я и предвидѣлъ, зная его несочувствіе къ выдающемуся значенію, придаваемому людьми его личности, — онъ попросилъ меня оставить это и почитать что-нибудь изъ политическаго отдѣла. Я прочелъ нѣсколько передовыхъ статей. Онъ лежалъ тихо, вѣроятно, только наполовину прислушиваясь и находя въ механическомъ сцѣпленіи читаемыхъ ему мыслей нѣкоторое отдохновеніе отъ напряженной работы своего собственнаго сознанія.

Вечеромъ Л. Н. попросилъ меня позвать Алексѣя Сергѣенко и очень ласково съ нимъ побесѣдовалъ. Вспомнивъ, что онъ его въ Шамардинѣ задержалъ и тѣмъ заставилъ пропустить поѣздъ и проѣхаться 50 верстъ на лошадахъ, онъ участливо спросилъ его, какъ онъ тогда доѣхалъ.

Съ перваго же дня моего прїѣзда въ Астапово я

8

поселился въ той квартирѣ, гдѣ лежалъ Л. Н-чъ, и въ теченіе всѣхъ послѣдующихъ дней и ночей принималъ участіе вмѣстѣ съ Ал. Л-ной и остальными въ дежурствѣ около него и уходѣ за нимъ. За все время до самаго конца я ни разу не раздѣвался и спалъ урывками по нѣскольکو часовъ то на полу, то на какой-нибудь освободившейся кровати. Время это протекло для меня какъ одинъ день. Все слилось въ какое-то одно непрерывное видѣніе, въ которомъ мнѣ невозможно теперь отличить ни послѣдовательности дней, ни дней отъ ночей. Каждое сказанное при мнѣ слово Л. Н-ча я тотчасъ же заносилъ въ свою записную книжку; и только по этимъ записямъ и обозначеннымъ въ нихъ днямъ недѣли могъ я теперь возстановить въ своей памяти то, чего я былъ тогда свидѣтелемъ.

Говорилъ онъ со мной немного, очевидно, довольствуясь тѣмъ, что я находился около него. По тому, какъ онъ на меня отъ времени до времени глядѣлъ, — то ласково и нѣжно, то сосредоточенно и вдумчиво, то улыбаясь своей свѣтлой улыбкой, — я не могъ не видѣть, какъ радъ онъ былъ моему присутствію около него въ эти столь значительныя для него минуты. Вспоминаю, какъ онъ раньше не разъ, бывало, говорилъ мнѣ, что желалъ бы, чтобы самые близкіе ему люди, дочь его „Саша“ и я, находились около него при его смерти. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, видимо, сознавалъ, такъ же какъ и я, что мы и сердцемъ, и душой слишкомъ близки другъ къ другу для того, чтобы нужны были словесныя изліянія.

Разъ я сидѣлъ одинъ около него. Онъ лежалъ на спинѣ, съ головой, слегка приподнятой подушками, и тяжело дышалъ. Встрѣтившись глазами со мною, онъ протянулъ свою руку въ мою сторону и спросилъ: „Ну, что, милый. . . милый мой?“ — „Ничего, дорогой мой, — отвѣтилъ я, — потерпѣть надо“. Онъ быстро отвѣтилъ: „Да, да“ — и снова направилъ свои глаза въ пространство, продолжая равномѣрно охатъ съ каждымъ дыханіемъ.

На слѣдующій день, 3-го ноября, Л. Н. справлялся у меня о ходѣ печатанія у Сытина переработаннаго имъ

9

новаго изданія „Круга Чтенія“, которое было значительно задержано, отчасти благодаря цензурнымъ притѣсненіямъ. Онъ также спрашивалъ у меня, не попала

ли случайно ко мнѣ затерявшаяся при его поспѣшномъ уходѣ изъ Ясной рукопись его статьи о социализмѣ, которую онъ въ послѣднее время писалъ для кружка чеховъ, интересующихся этимъ вопросомъ. Мнѣ пришлось сказать ему, что рукописи этой у меня нѣтъ. Какъ я потомъ увидѣлъ, онъ въ своемъ дневникѣ записалъ: „Моя статья о социализмѣ пропала. Жалко. Нѣтъ, не жалко“ (Рукопись этой статьи послѣ смерти Л. Н-ча нашлась въ Ясной на одномъ изъ столовъ въ его кабинетѣ).

Доктора попросили меня постараться уговорить Л. Н-ча принять пищи. Но на мое предложеніе поѣсть чего-нибудь онъ отвѣтилъ: „Не хочется, а я думаю, что когда не хочется, то и не нужно“.

Въ этотъ и ближайшіе послѣдующіе дни я замѣтилъ у Л. Н-ча типичную для тяжело-больныхъ маленькую черту: на-ряду съ занимавшими его самыми серьезными мыслями вниманіе его въ теченіе этой болѣзни по временамъ привлекалось самыми ничтожными мелочами окружавшей его обстановки, которыя занимали его совсѣмъ по-дѣтски. Такъ, на-примѣръ, увидавъ, что около него подтерли полъ, онъ потомъ отъ времени до времени, замѣчая какую-нибудь ничтожную неисправность на полу, просилъ, чтобы полъ подтерли. Или видя, какъ доктора мѣрятъ его температуру, онъ по-дѣтски вошелъ во вкусъ этой процедуры и въ неурочное время по нѣскольку разъ почти подъ-рядъ просилъ термометръ, засовывалъ его къ себѣ подмышки, потомъ вынималъ и старался, пристально и долго вглядываясь въ цифры, самъ разобрать, сколько онъ показываетъ, что однако ему рѣдко удавалось безъ посторонней помощи.

Въ этотъ день Л. Н. находился въ особенно оживленномъ состояніи. Онъ былъ даже нѣсколько возбужденно общителенъ. Онъ сказалъ мнѣ съ довольнымъ видомъ, что жаръ у него спалъ. Когда ходившіе за нимъ врачи, послѣ тщательнаго изслѣдованія его состоянія, ушли въ

10

другую комнату, онъ сталъ мнѣ съ жаромъ говорить, что вообще доктора занимаются пустяками, бактеріями и тому подобнымъ. „А слѣдовало бы имъ, — продолжалъ онъ, возвышая голосъ, — заниматься условіями гигиенической жизни. . .“ Замѣтивъ, что онъ начинаетъ горячиться, я остановилъ его, сказавъ, что ему не слѣдуетъ теперь много говорить и что лучше, если онъ доскажетъ послѣ. И я отошелъ отъ его кровати за ширмы.

Попозже Л. Н. подозвалъ меня къ себѣ и сказалъ: „Я хочу васъ спросить объ одной вещи; но если это будетъ вамъ непріятно, то скажите мнѣ“. Замѣтивъ, вѣроятно, по моему лицу, что это предисловіе меня озадачило, онъ прибавилъ, улыбнувшись: „Не пугайтесь“, и спросилъ меня, какъ слѣдуетъ, по моему мнѣнію, отвѣтить Мооду, англійскому переводчику романа „Воскресеніе“, на его предложеніе прислать Л. Н-чу для помощи яснополянскимъ крестьянамъ 500 рублей изъ прибыли отъ изданія этой книги. . . Зная, что самому Л. Н-чу очень

хотѣлось принять эти деньги для учрежденія въ Ясной Полянѣ ссыпки хлѣба въ интересахъ мѣстныхъ крестьянъ, я сказалъ ему, что, по-моему, слѣдовало бы поблагодарить и принять эти деньги. Л. Н., обрадовавшись, сказалъ мнѣ: „Такъ вы, пожалуйста, такъ и отвѣтите Мооду отъ меня“. Я замѣтилъ, что отвѣтить лучше Ал. Л-нѣ. . . „Ну, хорошо, — сказалъ Л. Н. — Только вы ей помогите. Скажите, что какъ-разъ есть затѣя, — приложеніе этихъ денегъ къ ссыпкѣ хлѣба“. Потомъ, помолчавъ, онъ сталъ диктовать мнѣ по-англійски текстъ предполагаемаго письма къ Мооду: „On my way to the place where I wished to be alone I was. . . вы знаете, какъ сказать. . . “ Я продолжалъ: „taken ill“*). Онъ: „Да, да. Такъ вы ужъ составьте“.

Немного погодя онъ спросилъ меня, видѣлъ ли я „Таню“ (его старшую дочь), о прїѣздѣ которой въ Астапово онъ узналъ отъ Маковицкаго**). „Я хочу спросить

II

ее, — продолжалъ онъ, — о состояніи Софіи Андреевны. Какъ Таня уѣхала изъ Ясной? Я думаю, что она сказала С. А-нѣ, что поѣдетъ къ своимъ, а потомъ прїѣхала сюда“.

„Я сегодня очень слезливъ“, — замѣтилъ онъ мнѣ. И дѣйствительно, когда я сказалъ ему, что меня трогаютъ проявляемыя къ нему со всѣхъ сторонъ по случаю его болѣзни любовь и уваженіе, онъ прослезился. Я опять отошелъ отъ него за ширмы. Нѣкоторое время спустя, вернувшись къ его кровати, я замѣтилъ, что онъ платкомъ вытиралъ слезы на своихъ глазахъ.

Днемъ Л. Н. послалъ за Татьяной Львовной. Свиданіе ихъ было очень трогательное какъ по той радости, которую проявилъ Л. Н., увидавъ свою старшую дочь, такъ и по сердечному попеченію о состояніи С. А-ны, которое онъ проявилъ въ своихъ разспросахъ. Л. Н. думалъ, что С. А. осталась въ Ясной, между тѣмъ какъ въ это время она уже жила въ вагонѣ на станціи Астапово, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Татьяна Львовна не желала волновать отца выдачей мѣстонахожденія своей матери. А потому, когда вопросы Л. Н-ча начали ставить ее въ затруднительное положеніе, то она сказала ему, что лучше сейчасъ объ этомъ не говорить, а что потомъ, когда онъ будетъ покрѣпче, она все расскажетъ. Л. Н., не понимая причины этой несообщительности, возразилъ: „Но вѣдь ты понимаешь, какъ мнѣ, для моей души *нужно* знать это“, и прослезился. Т. Л-нѣ оставалось только поспѣшно проститься и удалиться. Во все время этого разговора, при которомъ я присутствовалъ, Л. Н. ни однимъ намекомъ не подалъ повода думать, что онъ желаетъ видѣть С. А-ну.

Въ этотъ день, когда мы были одни, Л. Н. сообщилъ мнѣ шопотомъ, что на столѣ лежитъ его карманная записная книжка, въ которой съ одного конца записанъ его интимный секретный дневникъ, а съ другого — отдѣльныя мысли, подлежащія обычному внесенію въ его большой дневникъ. Листки интимнаго дневника (книжечка была съ выдвигаемыми страничками) онъ попросилъ меня

вынуть и спрятать вмѣстѣ съ прежними, переданными имъ Ал. Л-нѣ и мнѣ такими же листками. А мысли, записанныя съ

12

другого конца книжечки, онъ поручилъ въ свое время занести въ его дневникъ. Затѣмъ онъ попросилъ принести ему этотъ его большой дневникъ и сталъ въ немъ записывать. А я пошелъ исполнить его порученіе о карманной книжечкѣ.

Въ ней въ числѣ мыслей, подлежащихъ внесенію въ дневникъ, были слѣдующія, продиктованныя Л. Н-чемъ Ал. Л-нѣ уже въ Астаповѣ, 1-го ноября:

„Богъ есть неограниченное Все, человѣкъ есть только ограниченное проявленіе Его.

„Или, еще лучше, такъ:

„Богъ есть то неограниченное Все, чего человѣкъ сознаетъ себя ограниченной частью.

„Истинно существуетъ только Богъ. Человѣкъ есть проявленіе Его въ веществѣ, времени и пространствѣ. Чѣмъ больше проявленіе Бога въ человѣкѣ (жизнь) соединяется съ проявленіями (жизнями) другихъ существъ, тѣмъ больше онъ существуетъ. Соединеніе это своей жизни съ жизнями другихъ существъ совершается любовью.

„Богъ не есть любовь, но чѣмъ больше любви, тѣмъ больше человѣкъ проявляетъ Бога, тѣмъ больше истинно существуетъ. . .

„Бога мы признаемъ только чрезъ сознаніе Его проявленія въ насъ. Всѣ выводы изъ этого сознанія и руководство жизни, основанное на немъ, всегда вполнѣ удовлетворяютъ человѣка и въ познаніи самого Бога, и въ руководствѣ своей жизни, основанномъ на этомъ сознаніи“.

Въ этотъ же день, узнавъ отъ меня, что пріѣхали въ Астапово И. И. Горбуновъ и А. Б. Гольденвейзеръ, Л. Н. пожелалъ ихъ видѣть и имѣлъ съ каждымъ изъ нихъ порознь разговоръ, въ которомъ проявилъ свою обычную сердечную участливость къ нимъ и спокойное отношеніе къ сознаваемой имъ возможности смертельнаго исхода своей болѣзни. Этой послѣдней бесѣдой съ нимъ оба они были глубоко взволнованы.

13

Вечеромъ, въ 5 часовъ, онъ послалъ за мной. Я подошелъ къ его кровати. Онъ спросилъ: „Гдѣ же Никитинъ? Я его также просилъ придти“. Позвали Никитина. Когда мы оба стояли, нагнувшись надъ нимъ, онъ сказалъ, что его беспокоитъ, что Софья Андреевна узнаетъ про его болѣзнь и пріѣдетъ въ Астапово. И потому онъ попросилъ насъ послать телеграмму его дѣтямъ въ Ясную. „Скажите, что я очень слабъ и свиданіе съ ней было бы для меня губительно“. Никитинъ ушелъ, чтобы передать порученіе. Когда я остался со Л. Н-чемъ наединѣ, онъ съ волненіемъ

сказаль мнѣ: „Вѣдь вы понимаете, что если она здѣсь будетъ, то я не смогу ей отказать. . . (и онъ заплакалъ; видно, ему было очень тяжело), а если я ее увижу, это будетъ для меня губительно“. Черезъ нѣкоторое время онъ опять за мной послаль и сказаль мнѣ шутливо: „Какъ всѣ великіе писатели дорожатъ точностью изложенія своихъ произведеній, такъ и я съ этой телеграммой. Попросите телеграмму написать такъ: „Состояніе лучше, но чрезвычайная слабость и т. д., кончая словами: свиданіе было бы губительно“.

Мнѣ потомъ рассказали, что въ моемъ отсутствіи, продолжая думать все о той же телеграммѣ, онъ сказаль Варварѣ Михайловнѣ): „Скажите Сашѣ, чтобы она послала телеграмму на свои деньги, а то совѣстно, что Владимиръ Григорьевичъ все тратится на телеграммы“. В. М. пошла изъ комнаты, но Л. Н. опять позваль ее. „Возьмите вотъ на столикѣ мой кошелекъ; тамъ есть мелочи рублей на десять, а въ записной книжкѣ у меня есть 50 рублей. Тратьте изъ нихъ“. . . И Л. И. отпустилъ В. М-ну, успокоенный своими распоряженіями.

Л. Н. еще могъ, поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ, совершать два — три шага по комнатѣ, по своей надобности. Но, сидя, голова его отъ слабости свѣшивалась впередъ, и я помню, какъ благодаренъ онъ мнѣ бываль, когда я ладонью руки поддерживаль его голову. На обратномъ пути къ постели приходилось опять его поддерживать и затѣмъ

14

укладывать его въ кровать, бережно поднимая его ноги и закутывая ихъ въ одѣяло. Однажды, при окончаніи этихъ операцій, въ которыхъ принимали участіе два врача и я, Л. Н., лежа на спинѣ и быстро переводя дыханіе отъ совершенныхъ усилій, слабымъ, жалостливымъ голосомъ произнесъ: „А мужики-то, мужики, какъ умираютъ!“ — и прослезился. Когда доктора вышли изъ комнаты, я его спросилъ: „Что Л. Н., это вы, вѣрно, вспомнили тѣхъ больныхъ и умиравшихъ крестьянъ, которыхъ вы недавно навѣщали въ деревняхъ?“ (Я разумѣлъ сцены, описанныя имъ въ его очеркахъ „Три дня въ деревнѣ“). — „Да, да, — отвѣтилъ онъ сквозь слезы, — такъ, видно, мнѣ въ грѣхахъ и придется умереть“. — „Нѣтъ, Левъ Николаевичъ, — возразилъ я, — теперь уже это — не грѣхъ, а любовь, васъ окружающая. А вы сдѣлали все, что могли, чтобы уйти отъ грѣха“.

Очень характерно и трогательно было это непокидавшее его до послѣднихъ внѣшнихъ проблесковъ сознанія чувство безпокойства, угрызеній совѣсти и стыда передъ тѣми матеріальными преимуществами и удобствами, которыми онъ пользовался и которыхъ, какъ онъ никогда не забываль, были лишены всѣ тѣ миллионы рабочихъ массъ, трудами которыхъ эта роскошь добывается.

Такъ, напр., за день до его смерти дочь его Т. Л-на вышла отъ него къ намъ, въ сборную комнату, гдѣ мы отдыхали, и, вся въ слезахъ, пораженная и взволнованная, сказала намъ: „Запишите его слова. Онъ сейчасъ громкимъ

голосомъ сказалъ мнѣ: „Только одно совѣтую вамъ, — помнить, что на свѣтѣ есть много людей, кромѣ Льва Толстого, а вы смотрите только на одного Льва“. . .

Въ тотъ же день, 3-го ноября, онъ опять попросилъ меня почитать ему газеты. Я взялъ въ руки газету и спросилъ, читать ли то, что написано про него. Онъ справился о томъ, кто про него пишетъ. Какъ нарочно, на первомъ мѣстѣ оказалось то самое мое письмо о немъ, которое я уже читалъ ему наканунѣ по рукописи. Я сказалъ, что пропущу это письмо, такъ какъ мы уже его читали. Но,

15

повидимому, онъ успѣлъ забыть его содержаніе вслѣдствіе особенно ослабѣвшей отъ болѣзни памяти. Онъ попросилъ меня еще разъ прочесть мое письмо и, внимательно прослушавъ его до конца, какъ нѣчто для него совершенно новое, опять умилился и сквозь слезы сказалъ: „Очень, очень хорошо“.

Въ виду такого полного согласія Л. Н-ча съ содержаніемъ моего письма объ его уходѣ, я позволю себѣ привести здѣсь небольшую выдержку изъ этого письма. Столько появилось и продолжаетъ появляться въ печати превратныхъ толковъ по поводу ухода Л. Н-ча изъ Ясной Поляны, что, въ интересахъ правды, не мѣшаетъ лишній разъ обратить вниманіе на то объясненіе этого поступка, которое, какъ выше указано, Л. Н-чу случайно пришлось самому два раза подтвердить на своемъ смертномъ одрѣ.

„. . . О причинахъ его (Л. Н-ча) ухода, касающихся интимной стороны его семейной жизни, распространяться, разумѣется, не подобаетъ. . .

Съ своей стороны, могу только сказать, что предпринятый Л. Н-чемъ шагъ онъ предварительно долго обдумывалъ и что если онъ, наконецъ, рѣшился на него, то только потому, что почувствовалъ передъ своей совѣстью, что не можетъ поступить иначе. И всѣ тѣ, которые знаютъ и понимаютъ то, чѣмъ живетъ Л. Н., не станутъ, сомнѣваться въ томъ, что, какъ бы ни поступилъ онъ и въ будущемъ, руководить имъ будетъ, въ серьезныхъ рѣшеніяхъ его жизни, всегда это же самое стремленіе поступать не такъ, какъ ему хочется, а какъ велитъ ему Богъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, чтобы человѣкъ его возраста искалъ для себя возможности тихой сосредоточенной жизни для того, чтобы приготовиться къ смерти, приближеніе которой онъ не можетъ не чувствовать. . .

. . . Мы можемъ только пожелать ему, въ той скромной обстановкѣ, среди близкаго его сердцу простого народа, въ которой онъ ищетъ уединенія и сосредоточенія, беспрепятственно найти то, чего жаждетъ его душа и чего онъ такъ заслужилъ своими неустанными и безстрашными

16

трусами въ интересахъ, духовныхъ и матеріальныхъ, страждущаго и порабощеннаго челоуѣчества“.

Выслушавъ мое письмо, Л. Н. попросилъ меня почитать ему „политическое“. Я прочелъ фельетонъ и передовую статью изъ *Рѣчи*. Затѣмъ мы съ нимъ стали обсуждать, что бы такое почитать. Тутъ онъ вспомнилъ о письмахъ къ нему и спросилъ, кто ихъ теперь получаетъ. Я ему сказалъ, что, согласно его распоряженію, сначала получала его почта Ал. Л-на, а когда она уѣхала къ нему, то поручила это мнѣ; что полученныя письма всѣ нами разобраны; просительныя оставлены, по обыкновенію, безъ отвѣта, заказы на книги исполнены, а идейныя письма привезены мною съ собой для прочтенія ему при случаѣ. Онъ обрадовался и попросилъ почитать ему эти письма, за что я и принялся. Я успѣлъ прочесть ему четыре письма и записать на ихъ конвертахъ его отвѣты или отзвыы на каждое изъ нихъ. Письма эти — послѣднія, обращенныя къ нему, съ содержаніемъ которыхъ ему довелось ознакомиться.

Одно письмо было отъ друга его, крестьянина Михаила Петровича Новикова, недавно его посѣтившаго и которому Л. Н. писалъ, спрашивая, можетъ ли онъ временно поселиться въ его избѣ, если придется покинуть Ясную Поляну. Новиковъ весьма сердечно отвѣчалъ, что будетъ очень радъ оказать Л. Н-чу у себя гостепріимство. Приведу слѣдующую выдержку изъ его письма:

„Я всегда съ Вами былъ откровененъ и говорилъ то, что было на сердцѣ, и теперь рѣшилъ сказать вамъ только то, что есть у меня на душѣ по поводу высказанной въ письмѣ просьбы, безъ мысли угодить или не угодить Вамъ. . . Жизнь Ваша на краю заката (по смыслу времени), но она дорога и мнѣ, и всѣмъ роднымъ Вамъ по духу людямъ, и всѣ мы только и желаемъ одного: чтобы она длилась возможно дольше. А это возможно только въ тѣхъ привычныхъ Вамъ условіяхъ, въ которыхъ Вы прожили 82 года. Какъ ни желалъ бы видѣть Васъ разгороженнымъ, на свободѣ со всѣми простыми людьми, но ради сохраненія Вашей жизни въ такомъ старомъ тѣлѣ для дорогого для

17

всѣхъ общенія съ Вами — не могу желать этого серьезно. Желая только, чтобы остатокъ Вашей здѣшной жизни не стѣснялся бы внѣшними условіями для общенія съ любящими Васъ, а для такого временнаго посѣщенія Вами Вашихъ друзей на день, недѣлю, двѣ, мѣсяць, моя хата очень удобна. Въ ней есть свѣтлая комната, которую всѣ мои семейные съ удовольствіемъ уступятъ Вамъ и съ любовью будутъ служить Вамъ. . . Такъ думаю я, но если Вы думаете по-другому, то пусть будетъ не по-моему, а по-Вашему; и моя комнатка можетъ въ такомъ случаѣ быть за Вами сколько угодно“ . . .

Дальше шли хозяйственныя соображенія.

На это письмо Л. Н. попросилъ меня очень поблагодарить Новикова и сказать, что онъ, Л. Н., теперь уже уѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону.

Второе письмо начиналось словами: „Высокопочитаемый Учитель!“ Въ немъ дѣвушка рассказываетъ о своей взаимной любви съ женатымъ человѣкомъ, у котораго двое дѣтей. „Порвать со всѣмъ этимъ у насъ не хватаетъ силы, — пишетъ она. — Хорошо, если кончится тѣмъ, что я сама уйду отъ противнаго мнѣ міра сего“... Л. Н. прервалъ чтеніе этого письма словами: „Можно не читать. Что же тутъ можно отвѣчать?!“

Третье письмо было отъ человѣка съ разбитой, какъ онъ пишетъ, личной жизнью и потерявшаго „вкусъ къ жизни“. Онъ старался доказать Л. Н-чу, что „религіозная жизнь массъ тѣсно связана съ церковнымъ культомъ“, что „среди чадъ церкви... немало людей истинно-религіозныхъ“, что „церковь волей-неволей не перестаетъ вѣщать глаголы живота“ и т. д. И рядомъ съ этимъ онъ сознается въ томъ, что „современная церковь, это — механическое соединеніе людей противъ ихъ воли“, что „она грубо, безжалостно мучаетъ и истязуетъ душу всякаго отзывчиваго человѣка“, и что онъ пишушій, „ни въ чемъ такъ не разочаровался, какъ въ церкви“. Прослушавъ до конца это письмо, Л. Н. замѣтилъ, что можно не отвѣчать. На мой вопросъ, почему онъ не считаетъ нужнымъ отвѣтить, онъ

18

сказалъ: „Да неопредѣленно: и церковь хороша, и церковь нехороша“... .

Четвертое письмо, съ приложеніемъ 10-ти семикопѣчныхъ марокъ, было отъ „глубокаго почитателя“, обращавшагося къ „Великому мыслителю“ съ просьбой снабдить автографомъ посылаемую одновременно фотографію. Фотографія эта еще не была получена, и письмо мы отложили въ разрядъ „просьбъ объ автографѣ“, которыя Л. Н. имѣлъ обыкновеніе удовлетворять разомъ, когда накопится нѣкоторое количество.

Душанъ Петровичъ попросилъ меня не слишкомъ долго занимать вниманіе Л. Н-ча чтеніемъ корреспонденціи, и я понемногу свелъ на нѣтъ это занятіе, не дочитавъ всѣхъ привезенныхъ съ собой писемъ.

На слѣдующій день, 4-го ноября, Л. Н-чу придавалъ особенно болѣзненное выраженіе видъ его запекшихся и побѣлѣвшихъ губъ. Въ послѣдующіе дни однако этого уже не было. Но вообще съ каждымъ днемъ щеки его худѣли, губы становились тоньше и блѣднѣе, и все лицо его принимало болѣе и болѣе измученный видъ, свидѣтельствовавшій о тѣхъ физическихъ страданіяхъ, которыя ему приходилось переносить. Въ особенности это страдальческое выраженіе замѣтно было около губъ и рта, который, вслѣдствіе затрудненности дыханія, оставался большею частью полуоткрытымъ и нѣсколько искривленнымъ. Другихъ признаковъ физическихъ мукъ онъ почти не проявлялъ. Стоны и громкіе вздохи, сопровождавшіе по цѣлымъ часамъ каждое его дыханіе, каждую икоту, были такъ равномерны и однообразны, что не производили впечатлѣнія особенно остраго страданія. Когда при этомъ его разъ или два спросили, очень ли

онъ страдаетъ, онъ отвѣчалъ отрицательно. Только нѣсколько разъ въ теченіе всей болѣзни появлялись у него приступы особенно тяжкихъ страданій. Въ этихъ случаяхъ онъ судорожно поднимался въ сидячее положеніе, свѣшивая ноги съ кровати, тоскливо метался изъ стороны въ сторону, говорилъ, что ему очень трудно, тяжело; но скоро опять опускался на подушки и притихалъ

19

съ видомъ кроткаго примиренія съ неизбѣжнымъ испытаніемъ. Онъ, очевидно, сознавалъ, что терпѣливое, безропотное перенесеніе усиливавшихся физическихъ мукъ представляло въ данную минуту его ближайшую задачу. И судя по тому, какъ онъ держалъ себя, къ выполненію этой задачи онъ относился съ той же добросовѣстной и выдержанной настойчивостью, съ какою всю жизнь привыкъ дѣлать то, что считалъ должнымъ. Утромъ этого дня, очнувшись отъ забытья и узнавъ меня, онъ, видимо очень страдая, сказалъ мнѣ какъ-то особенно мягко и добро: „Я, кажется, умираю. А можетъ-быть, и нѣтъ. Надо еще *постараться* немножко“, и прослезился. А наканунѣ смерти, когда ему было особенно тяжело, онъ, очевидно, желая исполнить должное, сказалъ мнѣ: „Не понимаю, что мнѣ дѣлать“.

Въ эти дни, лежа молча на спинѣ, Л. Н. часто и подолгу шевелилъ пальцами правой руки, двигая кистью по одѣялу, воображая, что, по своему писательскому обыкновенію, заноситъ на бумагу ту работу мысли, которая въ это время происходила въ его сознаніи.

Для того, чтобы освѣжить воздухъ въ его спальнѣ, мы съ докторами перенесли Л. Н-ча на кровати въ сосѣдную проходную комнату, гдѣ собраны были различные употреблявшіеся и запасные медикаменты и приспособленія. Увидавъ передъ собой столъ съ этими необычными для него предметами, Л. Н. сталъ меня спрашивать про отдѣльныя бутылочки и т. п. „Что это такое?“ — спросилъ онъ, указывая на привлекательнаго вида розовую бутылочку. Я поднялъ ее и прочелъ: Eau dentifrice*). „А у меня dents**) совсѣмъ нѣтъ“, — замѣтилъ онъ игриво. „А это что?“ — „Это — прованское масло, присланное вамъ Галей по просьбѣ Ал. Л-ны“. — „А для чего оно?“ — „Бываетъ полезно при клизмахъ и въ другихъ случаяхъ“. — „Ага!“

Въ этотъ день у больного уже замѣтно было повременамъ нѣсколько бредовое состояніе и, — въ очень впрочемъ незначительной степени, — то безсознательное раздраженіе, которое такъ часто бываетъ у больныхъ отъ переутомленія.

20

Съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ онъ давалъ указанія, какъ поправить его простыню. Потомъ настойчиво захотѣлъ сдѣлать изъ своихъ карманныхъ часовъ, которые передъ тѣмъ держалъ въ рукѣ, совершенно несвойственное имъ употребленіе и долго не давалъ Душану поправить его ошибку. Наконецъ, мы

взяли у него часы и, замѣнивъ чѣмъ слѣдовало, отложили ихъ на столикъ около кровати. Л. Н. раза три съ промежутками прошепталъ: „Трудно“. Затѣмъ сказалъ очень рѣшительно: „Ничего не понимаю. . . Гдѣ *шесть* приняли?“ Последнія слова: „Гдѣ *шесть* приняли?“ онъ повторилъ много разъ, особенно старательно подчеркивая слово „*шесть*“, которое онъ произносилъ какъ-то неестественно и значеніе котораго мы съ Душаномъ никакъ не могли понять. Наконецъ, мнѣ въ голову пришло, не *часы* ли свои онъ хочетъ. Я поднесъ ихъ къ его рукѣ, онъ взялъ ихъ и успокоился, удовлетворенный.

. . . Немного погодя, глядя передъ собой на постель, Л. Н. спросилъ Душана: „Что это?“ Душанъ отвѣтилъ: „Это — одѣяло, Л. Н.“ — „А дальше что?“ — „Кровать“. — „Ну, вотъ, теперь хорошо“, — заключилъ Л. Н. съ облегченнымъ видомъ.

Л. Н. руками часто брался за одѣяло, комкая его, и проводилъ пальцами по голой груди, какъ-будто желая ее зацѣпить. Эти признаки, которые принято считать предсмертными, тревожили нѣкоторыхъ изъ насъ. Но мы утѣшали другъ-друга, вспоминая, что онъ дѣлалъ это же самое не разъ и при прежнихъ своихъ тяжелыхъ заболѣваніяхъ. Вообще, что касается меня, то я надѣялся почти до самага конца. Я вспоминалъ поразительную живучесть организма Л. Н-ча, уже столько разъ вывозившую его тогда, когда окружавшіе его теряли всякую надежду. Я съ радостью наблюдалъ, что организмъ этотъ все еще продолжалъ справляться съ главными своими отправлениями. Я привѣтствовалъ неожиданную рѣзкость и силу нѣкоторыхъ движеній больного, твердость и звучность его голоса и, вмѣстѣ съ врачами, радовался даже безсознательнымъ проявленіямъ его раздраженія. А главное — все мое существо

21

было, вѣроятно, слишкомъ проникнуто необходимостью, какъ мнѣ представлялось, его жизни, — продолженія дѣятельности среди насъ его сознанія, переполненнаго, какъ я зналъ, такими чудными замыслами художественнаго творчества и другихъ задуманныхъ работъ, — для того, чтобы я могъ допустить мысль, что эта болѣзнь его — смертельная. Въ одномъ только я тогда не отдавалъ себѣ отчета, — въ томъ, что его физическая живучесть была уже въ корнѣ подкошена тѣми невѣроятными душевными страданіями, которымъ онъ подвергался въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ своей жизни въ Ясной Полянѣ. Въ продолженіе этихъ послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ я былъ лишень возможности видѣться съ нимъ лицомъ къ лицу, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, которыя окончательно подорвали жизненные силы его организма. Въ письмахъ же ко мнѣ Л. Н., по своему обыкновенію, бодрился и мало распространялся о состояніи своего здоровья. А потому, пріѣхавъ къ нему въ Астапово, я еще не зналъ, до какой степени его сердце, нервы и весь организмъ были уже переутомлены и въ конецъ истощены душевными волненіями и страданіями, которыя ему пришлось перенести еще до своего ухода изъ Ясной Поляны. Я не

зналъ еще, что, раньше чѣмъ уйти оттуда, онъ уже безъ остатка „положилъ душу свою“ въ своемъ великомъ подвигѣ любви и самоотреченія и что у него просто уже не оставалось силъ для дальнѣйшей жизни.

5-го ноября, въ 2^{1/2} часа ночи, А. Л. меня разбудила словами: „Папа нехорошо“. Я вскочилъ и, надѣвая куртку и туфли, слышалъ, какъ изъ третьей отъ меня комнаты, гдѣ находился Л. Н., доносился его громкій и возбужденный голосъ. Пospѣшивъ къ нему, я засталъ его сидящимъ поперекъ кровати. Когда я подошелъ къ нему, онъ сказалъ мнѣ, что хочетъ диктовать. Я вынулъ свою записную книжку. Онъ приготовился—было излагать свои мысли, но сначала попросилъ меня прочесть то, что уже было имъ продиктовано. Я объяснилъ ему, что только-что вошелъ и ничего еще не успѣлъ записать. Тогда Л. Н.

22

попросилъ меня прочесть у доктора Семеновскаго, что тотъ записалъ. Последній же, сидѣвшій около кровати, посмотрѣлъ на меня многозначительно и повернулъ въ мою сторону свою записную книжку, чтобы показать, что у него ничего не записано. Тутъ только я понялъ, что Л. Н. находится въ бреду. Онъ сталъ болѣе настойчиво требовать, чтобы я прочелъ написанное у Семеновскаго. Самъ же Семеновскій въ это время всталъ и осторожно вышелъ изъ комнаты.

Л. Н. „Ну, прочтите же, пожалуйста“.

Я. „Онъ, Л. Н., ничего у себя не записалъ. Скажите мнѣ, что вы хотите записать“.

Л. Н. (Еще болѣе настойчиво) „Да нѣтъ, прочтите же. Отчего вы не хотите прочесть?“

Я. „Да ничего не записано“.

Л. Н. (Съ укоромъ) „Ахъ, какъ странно. Вотъ, вѣдь милый человекъ, а не хотите прочесть!“

Тяжелая сцена эта продолжалась довольно долго, пока Ал. Л-на не посоветовала мнѣ прочесть что-нибудь изъ лежавшей около меня на столѣ книги. Оказалось, что это былъ „Кругъ Чтенія“, который Л. Н. всегда держалъ при себѣ, никогда не упуская прочесть изъ него ежедневную главку. Я нашелъ относящееся до 5-го ноября. Лишь только я сталъ читать, Л. Н. совершенно притихъ и весь обратился во вниманіе, отъ времени до времени прося меня повторить какое-нибудь не вполне слышанное имъ слово. И во все время чтенія онъ ни разу не пытался прервать меня для того, чтобы диктовать свое. „А это чья?“ — спрашивалъ онъ нѣсколько разъ про мысли въ „Кругѣ Чтенія“. Но когда я послѣ нѣкотораго времени, предполагая, что онъ усталъ, остановился, то онъ, обождавъ немного для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что я продолжать не намѣренъ, сказалъ: „Ну, такъ вотъ...“ и собирался возобновить свое диктованіе. Боясь повторенія его возбужденія, я успѣшилъ продолжать чтеніе, причемъ онъ тотчасъ же опять

покорно принялся слушать. Это самое повторилось и еще разъ. А когда я, спустя продолжительное время, стал понемногу понижать свой голосъ

23

и, наконецъ, совсѣмъ прекратилъ чтеніе, то онъ, должно-быть, утомленный, произнесъ уже удовлетворенный: „Ну, вотъ“ и совсѣмъ притихъ.

Случай этотъ особенно ярко возстановилъ передо мною два характерныхъ свойства Л. Н-ча. Одно свойство — писательское: его потребность дѣлиться съ людьми внутренней работой своего сознанія, — потребность, до такой степени привычная и упорная, что даже во время тяжелой болѣзни, не будучи уже въ состояніи самъ писать, онъ стремился диктовать свои мысли. А другое свойство, это — замѣчательное его уваженіе и вниманіе къ выраженію чужой мысли. До самага послѣдняго періода своей жизни онъ чувствовалъ потребность посвящать много времени не только изложенію для другихъ своихъ собственныхъ мыслей, но и ознакомленію себя съ мыслями и внутренней жизнью другихъ людей, у которыхъ онъ всегда находилъ чему поучиться путемъ ли личной съ ними бесѣды, или чтенія ихъ писаній. И этой никогда не покидавшей его способности воспринимать извнѣ все хорошее и новое, не полагаясь исключительно на свою самостоятельную работу мысли, — такъ сказать, впитывать въ себя, какъ губка, все лучшее, до чего достигло человѣческое сознаніе, претворяя пріобрѣтенное въ свою плоть и кровь, — этой замѣчательной способности воспріимчивости, на-ряду съ самобытной работой своего великаго ума, Л. Н., я думаю, больше всего обязанъ тѣмъ отсутствіемъ доктринерства и сектантства, той неотразимой общечеловѣчностью, которыми такъ отличается его жизнепониманіе отъ большинства теорій другихъ выдающихся мыслителей.

Доктора производили Л. Н-чу довольно частыя подкожныя впрыскиванія, причеиъ удивлялись тому, что онъ совсѣмъ не реагировалъ на уколы.

Вспоминая пережитое въ тѣ дни, признаюсь, что мнѣ тяжело всего думать объ этихъ частыхъ впрыскиваніяхъ камфоры, дигалена, кодеина и въ особенности за полсутокъ до смерти — дозы морфія, впрыснутой вопреки выраженному Л. Н-чемъ доктору Маковицкому нежеланію. Самъ не довѣряя

24

медикаментамъ и зная такое же отрицательное отношеніе къ нимъ Л. Н-ча, я не могу освободиться отъ чувства, что лучше было бы предоставить ему болѣть и, если нужно, умереть, не прибѣгая къ такимъ медицинскимъ надъ нимъ пріемамъ, которымъ самъ онъ, вѣроятно, воспротивился бы, если бы находился въ сознательномъ состояніи. И, кто знаетъ, не повредило ли ему или проявленію его сознанія въ эти послѣдніе дни его жизни такое искусственное вмѣшательство въ естественный ходъ его болѣзни.

Съ другой стороны, утѣшаю себя мыслью, часто выражаемой и Л. Н-чемъ, о томъ, что все совершающееся съ человѣкомъ неразрывно связано со всей остальной міровой жизнью, служа проявленіемъ одной и той же силы жизни, не познаваемой для насъ, но несомнѣнно разумной и благой. А въ такомъ случаѣ смерть каждаго человѣка, — отъ какой бы внѣшней причины она ни произошла, — наступаетъ только тогда, когда это нужно для блага его и другихъ людей. Такой взглядъ на явленія жизни, въ справедливости котораго я не сомнѣваюсь, хотя, разумѣется, и не избавляетъ отъ нравственной отвѣтственности тѣхъ, кто своей недобротой причиняютъ вредъ другимъ, устраняетъ по крайней мѣрѣ многія мучительныя сомнѣнія и тщетныя сожалѣнія.

Зато сердечное участіе, нѣжныя попеченія и неутомимыя хлопоты, проявленныя въ эти дни по отношенію ко Л. Н-чу всѣми ходившими за нимъ врачами, оставили въ моей душѣ самое свѣтлое впечатлѣніе. Большинство изъ нихъ, уже раньше знакомые со Л. Н-чемъ, прервали всѣ свои текущія отвѣтственныя занятія для того, чтобы съѣхаться около его кровати изъ одной только сердечной преданности и уваженія къ нему, лишь только узнали, что онъ серьезно заболѣлъ. Изъ нихъ преданны ему всѣмъ сердцемъ доктора Д. В. Никитинъ и Г. М. Беркенгеймъ имѣли обыкновеніе постоянно пріѣзжать къ нему и ухаживать за нимъ при каждомъ его серьезномъ заболѣваніи.

Самъ Л. Н-чъ во время этой своей болѣзни успѣлъ отрывочными словами достаточно ясно обнаружить какъ

25

то, что онъ до самага конца остался вѣренъ своему отрицательному взгляду на медицину вообще, такъ и то, что къ самимъ ходившимъ за нимъ врачамъ, какъ къ людямъ, онъ относился съ доброжелательствомъ и сердечной благодарностью за ихъ старанія.

Когда пріѣхали къ нему изъ Москвы доктора Щуровскій и Усовъ, то, подошедши къ его кровати и не полагая, что онъ ихъ вспомнить, они сразу приступили къ медицинскимъ разспросамъ и изслѣдованію, послѣ чего одинъ изъ нихъ спросилъ Л. Н-ча: „Какъ вы себя чувствуете?“ *Л. Н.:* „Хорошо“. — „Икота мучаетъ?“ *Л. Н.:* „Нѣтъ, ничего, все хорошо“. Сказавъ это, Л. Н. отвернулся, и врачъ вышелъ. Немного погодя Л. Н. спросилъ меня, кто были эти новыя лица. Я ихъ назвалъ. „Ага!“ — произнесъ онъ, очевидно, вспомнивъ ихъ, и затѣмъ прибавилъ: „Какіе милые!“

Однажды д-ръ Никитинъ предложилъ ему поставить клизму. Л. Н. отказалъ. Никитинъ замѣтилъ, что отъ клизмы икота пройдетъ. Л. Н. отвѣтилъ: „Богъ все устроитъ“.

Когда тотъ же врачъ пощупалъ его пульсъ и отошелъ, Л. Н., казавшійся въ забытьѣ, спокойно сказалъ мнѣ: „Глупости“.

Наканунѣ смерти Л. Н-ча я, по просьбѣ врачей, довольно продолжительно направлялъ ему въ лицо струю кислорода изъ резинового мѣшка. Когда, наконецъ, я прервалъ это занятіе, Л. Н. отчетливо произнесъ: „Совершенно бесполезно“.

Въ самые послѣдніе дни Л. Н. иногда, повидимому, недоумѣвалъ, что съ нимъ дѣлаютъ врачи, и вмѣстѣ съ тѣмъ испытывалъ физически тоскливое настроеніе. Въ этихъ случаяхъ онъ дѣлалъ восклицанія въ родѣ слѣдующихъ: „Отчего вы такъ долго держите? Не идете впередъ?“ . . .

Когда его спросили, чего ему хочется, онъ отвѣтилъ: „Мнѣ хочется, чтобы никто мнѣ не надоѣдалъ“.

На предложеніе перенести его на свѣжую постель онъ однажды отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Но немного

26

погода на то же предложеніе сказалъ: „Можете, если это доставляетъ вамъ удовольствіе“.

Про стараго друга своего доктора Душана Маковицкаго, не покидавшаго его въ теченіе столькихъ лѣтъ, Л. Н. дня за два до смерти сказалъ съ неподражаемо нѣжнымъ выраженіемъ голоса: „Милый Душанъ, *милый* Душанъ“.

Однажды, когда профессоръ Усовъ приподнял Л. Н-ча за спину и, опустивъ свою голову, поддерживалъ его, пока поправляли подушки, Л. Н. сталъ руками обнимать его и припалъ къ нему, цѣлуя его. Усовъ произнесъ вполголоса: „Никогда не видалъ такого больного“. Когда же Усовъ приподнял свою голову, то Л. Н., разглядѣвъ его лицо, сказалъ, слегка отстраняя его руками: „Нѣтъ, это не тотъ“. Не сомнѣваюсь въ томъ, что Л. Н. принялъ-было Усова за Душана, по адресу котораго и были направлены эти исключительныя проявленія нѣжности и любви.

Думалъ ли Л. Н. въ теченіе этой своей болѣзни о возможности ея смертельнаго исхода? И если думалъ, то какъ относился къ этой возможности?

О близости смерти Л. Н. вообще постоянно думалъ, и во весь послѣдній періодъ своей жизни онъ часто говорилъ, что сознаетъ себя наканунѣ смерти. А при каждомъ заболѣваніи онъ былъ склоненъ думать, что онъ уже не поправится. Такъ что по одному этому можно было бы смѣло заключить, что и во время этой своей болѣзни онъ и думалъ о смерти, и допускалъ возможность ея наступленія. Это же самое подтверждается нѣкоторыми его отдѣльными словами и замѣчаніями во время болѣзни. Такъ, напр., повременамъ онъ отчетливо говорилъ: „Ну, теперь шабашъ, все кончено!“ Или: „Вотъ и конецъ, и ничего!“ Или, въ полубреду, шутливо: „Ну, мать! Не обижайтесь!“ И къ мысли о наступленіи смерти онъ во время этой болѣзни проявлялъ то же спокойствіе, ту же мудрую примиренность съ нею, которая отличала его съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ лѣтъ

тридцать тому назад опредѣлилось его религіозное пониманіе жизни. За нѣсколько дней до своей

27

смерти, когда мы остались одни, онъ спокойно сказалъ мнѣ, что, можетъ-быть, умереть отъ этой болѣзни. И сказалъ онъ это съ тономъ полного удовлетворенія и со слезами не страданія или тревоги, а мирнаго умиленія на глазахъ. Когда я разъ ночью опять одинъ сидѣлъ около его постели, онъ долго очень внимательно и ласково глядѣлъ на меня. Я сказалъ: „Ну, вотъ, Л. Н., вамъ сегодня немного лучше“. Онъ прошамкалъ въ отвѣтъ что-то такое, чего я никакъ не могъ разобрать, но, судя по трогательному дѣтскому выраженію его голоса и по выступившимъ на его лицѣ слезамъ умиленія, я понялъ, что онъ говорилъ не о выздоровленіи, а скорѣе о приближеніи смерти своей, и говорилъ объ этомъ съ самымъ хорошимъ и свѣтлымъ чувствомъ. Другой разъ, когда онъ проснулся отъ продолжительнаго сна и взгляды наши встрѣтились, онъ ласково улыбнулся мнѣ. Потомъ сказалъ: „Трудно мое положеніе. Жаръ не проходитъ“. Я ему сказалъ: „Такой ужъ ходъ болѣзни. Это бываетъ“. Онъ съ интересомъ произнесъ вопросительно: „Да“? и опять заснулъ.

Нѣкоторую разницу въ отношеніи Л. Н. къ смерти, по сравненію съ обычнымъ его настроеніемъ при прежнихъ серьезныхъ болѣзняхъ, я въ этотъ разъ замѣтилъ; а именно: въ то время какъ прежде онъ большей частью или желалъ смерти, или по крайней мѣрѣ былъ вполнѣ равнодушенъ къ исходу болѣзни, — въ этотъ разъ онъ хотя и относился совершенно спокойно къ возможности смерти, но, какъ мнѣ казалось, не испытывалъ опредѣленнаго желанія умереть.

Причину этого нетрудно понять. Почти всѣ тяжкія болѣзни Л. Н.-ча послѣднихъ 20-ти лѣтъ являлись прямымъ послѣдствіемъ непосредственно предшествовавшихъ имъ болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ душевныхъ надрывовъ и страданій, вызванныхъ условіями его домашней жизни. Въ эти періоды душевныхъ страданій онъ испытывалъ сомнѣнія въ томъ, хорошо ли дѣлаетъ, что продолжаетъ жить въ этой обстановкѣ. И если онъ не уходилъ, то только потому, что боялся сдѣлать это изъ эгоистическихъ побужденій, — для собственнаго облегченія.

28

Но, рѣшаясь послѣ такихъ колебаній оставаться на своемъ посту, онъ сознавалъ себя безнадежно обреченнымъ на продолженіе жизни въ той же тяжелой для него обстановкѣ. Естественно, что въ такомъ безпросвѣтномъ положеніи единственнымъ выходомъ для него представлялась смерть. А потому, заболѣвая отъ общаго переутомленія, послѣ этихъ душевныхъ кризисовъ, онъ не могъ не смотрѣть на смерть какъ на свою единственную избавительницу. Вотъ почему онъ или желалъ смерти, или относился равнодушно къ исходу болѣзни.

Въ этотъ разъ однако болѣзнь застала его въ совсѣмъ иныхъ условіяхъ. Онъ успѣлъ уже вырваться изъ своей безнадежной обстановки. Онъ собирался зажить по-новому, самостоятельно, въ привлекавшей его такъ давно средѣ простыхъ рабочихъ людей, дѣля ихъ скромную долю и свободно общаясь съ окружающими. Онъ былъ полонъ привлекавшими его писательскими замыслами и какъ ребенокъ радовался открывшейся ему, наконецъ, возможности зажить согласно со своими дѣйствительными душевными влеченіями. И вдругъ, именно въ это самое время, подкосила его непрощенная болѣзнь. Естественно, что она вначалѣ представилась ему въ видѣ препятствія на его пути, которое ему хотѣлось во что бы то ни стало преодолѣть. (Онъ сначала не хотѣлъ оставаться въ Астаповѣ и порывался ѣхать дальше, несмотря на свою болѣзнь). Понятно, что при такихъ условіяхъ, діаметрально противоположныхъ тѣмъ, въ какихъ онъ раньше болѣлъ, Л. Н. не могъ желать смерти, а, напротивъ, хотѣлъ поскорѣе поправиться, чтобы осуществить свой планъ новой жизни.

Но несомнѣнно также и то, что, убѣдившись въ серьезности своей болѣзни, онъ сумѣлъ очень скоро примириться и съ этимъ новымъ непредвидѣннымъ нарушеніемъ его завѣтныхъ желаній и покорно подчиниться волѣ Божьей, какъ онъ это дѣлалъ въ теченіе всѣхъ послѣднихъ десятилѣтій своей подневольной жизни въ семьѣ.

„Вотъ и планъ мой, — записано нетвердой рукой Л. Н-чемъ въ его дневникѣ отъ 3-го ноября. — Fais ce

29

que doit, adv...”). И все на благо и другимъ, а главное — мнѣ“. Этими знаменательными словами заканчивается навсегда дневникъ Л. Н-ча.

Насколько Л. Н. въ эти дни жилъ своей внутренней духовной жизнью, несмотря на казавшіяся намъ столь мучительными его физическія страданія, видно было по нѣкоторымъ замѣчаніямъ, отъ времени до времени имъ произносимымъ. Такъ, напр., въ теченіе послѣднихъ сутокъ своей жизни онъ обмолвился словами: „Ну, вотъ, и то хорошо“; „все просто и хорошо“; „хорошо. . . да, да. . .“ и т. п. И говорилъ онъ это въ такія минуты, когда, судя по его затрудненному дыханію, сопровождаемому икотой и тяжелыми стонами, можно было подумать, что тѣло его слишкомъ страдаетъ для того, чтобы сознание могло свободно работать, да еще испытывать удовлетвореніе и благо. Очевидно, онъ въ это время умиранія своего тѣла на собственномъ опытѣ испыталъ то, во что онъ такъ непоколебимо вѣрилъ и что не уставалъ повторять другимъ, а именно, что человекъ, живущій духомъ Божиимъ, способенъ черпать для себя благо даже изъ самыхъ тяжелыхъ и мучительныхъ условій. Несомнѣнно, что предсмертныя страданія не только не заглушили, но, наоборотъ, очищали и усиливали въ Л. Н-чѣ то сознание духовнаго начала, въ которомъ онъ полагалъ сущность человѣческой жизни.

Въ письмахъ, полученныхъ мною отъ Л. Н-ча изъ Ясной Поляны въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ его жизни, онъ не разъ касался вопроса о своей смерти. Такъ, напр., за два дня до своего ухода изъ Ясной Поляны онъ мнѣ писалъ:

„ . . . Нынче были такихъ нѣсколько мыслей — чувствъ. Одна изъ нихъ о томъ (я нынче испыталъ толчокъ сердца, который разбудилъ меня, и, проснувшись, вспомнилъ длинный сонъ, какъ я шель подъ гору, держался за вѣтки и все-таки поскользнулся и упалъ, т. е. проснулся. Все сновидѣніе, казавшееся прошедшимъ, возникло мгновенно), — такъ одна мысль — о томъ, что въ минуту смерти будетъ этотъ, подобный толчку сердца въ сонномъ состояніи, моментъ

30

внѣвременный, и вся жизнь будетъ этимъ ретроспективнымъ сновидѣніемъ. Теперь же мы въ самомъ разгарѣ этого ретроспективнаго сновидѣнія. Иногда это мнѣ кажется вѣрнымъ, а иногда кажется чепухой. . . “

Въ началѣ августа онъ писалъ:

„Чѣмъ ближе къ смерти, по крайней мѣрѣ чѣмъ живѣй помнишь о ней (а помнить о ней значить помнить о своей истинной, независимой отъ смерти жизни), тѣмъ важнѣе становится это единое нужное дѣло жизни. . . “

Въ другомъ письмѣ ко мнѣ того же времени онъ говорить:

„ . . . Мнѣ же, хотя я и усталъ, мнѣ въ сущности хорошо. . .

„Все ближе и ближе подходит раскрытіе навѣрное благой, предугадываемой тайны (смерти), и приближеніе это не можетъ не привлекать, не радовать меня. . . “

17-го октября, за три недѣли до своей смерти, онъ мнѣ писалъ:

„Хочется, милый другъ, по душѣ поговорить съ вами. Никому такъ, какъ вамъ, не могу такъ легко высказать, — зная, что никто такъ не пойметъ, какъ бы неясно, недосказано ни было то, что хочу сказать.

„Вчера былъ очень серьезный день. Подробности фактическія вамъ расскажутъ, но мнѣ хочется рассказать свое — внутреннее. . .

„Я нынче тѣлесно чувствую себя слабымъ, но на душѣ очень хорошо, и отъ этого-то мнѣ и хочется высказать вамъ, что я думаю, а главное — чувствую.

„Я мало думалъ до вчерашняго дня о своихъ припадкахъ, даже совсѣмъ не думалъ, но вчера я ясно, живо представилъ себѣ, какъ я умру въ одинъ изъ такихъ припадковъ, и понялъ, что несмотря на то, что такая смерть въ тѣлесномъ смыслѣ, совершенно безъ страданій тѣлесныхъ, очень хороша, она въ духовномъ смыслѣ лишаетъ меня тѣхъ дорогихъ минутъ умиранія, которыя могутъ быть такъ прекрасны. И это привело меня къ мысли о томъ, что если я лишень по времени этихъ послѣднихъ сознательныхъ минутъ, то вѣдь въ моей власти

31

распространить ихъ на всѣ часы, дни, можетъ-быть, мѣсяцы, годы (едва ли), которые предшествуютъ моей смерти; могу относиться къ этимъ днямъ, мѣсяцамъ такъ же серьезно, торжественно (не по внѣшности, а по внутреннему сознанию), какъ бы я относился къ послѣднимъ минутамъ сознательно наступившей смерти.

„И вотъ эта-то мысль, даже чувство, которое я испыталъ вчера и испытываю нынче, и буду стараться удержать до смерти, меня особенно радуетъ, и вамъ-то мнѣ и хочется передать ее.

„Въ сущности это все очень старо; но мнѣ открылось съ новой стороны.

„Это же чувство и освѣщаетъ мнѣ мой путь въ моемъ положеніи и изъ того, что было и могло бы быть тяжело, дѣлаетъ радость“.

Судя по тому, что до самыхъ послѣднихъ часовъ своей жизни, лежа неподвижно на спинѣ съ закрытыми глазами и затрудненнымъ дыханіемъ, Л. Н., къ удивленію врачей, проявлялъ признаки сознательности, отстраняя, напр., руку доктора, собиравшагося произвести ему подкожное впрыскиваніе, отворачиваясь отъ подносимаго къ его лицу свѣта и т. п., — судя по этимъ признакамъ, можно допустить, что въ эти послѣдніе часы и минуты онъ сознательно готовился къ приближавшейся „перемѣнѣ“, переживая то предсмертное духовное состояніе, которое ему такъ хотѣлось испытать.

Самая смерть Л. Н. произошла такъ спокойно и тихо, что произвела на меня умиротворяющее впечатлѣніе.

Послѣ непрерывныхъ часовъ тяжелаго дыханія и стонувъ — глубокое дыханіе вдругъ замѣнилось поверхностнымъ и легкимъ. Черезъ нѣсколько минутъ и это слабое дыханіе оборвалось. Промежутокъ полной тишины. Никакихъ усилій, никакой борьбы. Потомъ глубокой-глубокой, протяжный, едва слышный — послѣдній вздохъ. . .

Глядя на лежавшую на кровати оболочку того, что было Львомъ Николаевичемъ, я вспомнилъ случайно подслушанный мной наканунѣ отрывокъ изъ внутренней работы его души. Я сидѣлъ тогда одинъ около его постели.

32

Онъ лежалъ на спинѣ, тяжело дыша. Вдругъ, очевидно продолжая вслухъ нить занимавшихъ его мыслей, онъ, какъ бы разсуждая самъ съ собой, громко произнесъ: „Все я. . . свои проявленія. . . Довольно проявленія. . . Вотъ и все“ . . .

Я вспомнилъ представленіе Л. Н-ча о жизни человѣческой какъ о проявленіи духа Божьяго, временно заключеннаго въ предѣлы личности и стремящагося преодолѣть эти предѣлы для того, чтобы слиться съ душами другихъ существъ и съ Богомъ. И я особенно живо почувствовалъ, что жизнь, при такомъ ея пониманіи, есть ничѣмъ ненарушимое благо, и смерти нѣтъ.

И поколебать во мнѣ это сознаніе не могутъ никакія мои личныя страданія отъ потери Льва Николаевича, какъ человѣка и друга.

Владимирь Чертковъ.

Телятники,
27-го декабря 1910 года.

Сноски

Сноски к стр. 3

***) Перепечатаны изъ № 12 и 13 „Русскихъ Вѣдомостей“ за 1911 годъ.

Сноски к стр. 5

*) Старшій сынъ Л. Н-ча, Сергѣй Львовичъ.

***) Сборнички отдѣльныхъ мыслей на разныя темы, надъ составленіемъ которыхъ Л. Н. много работалъ въ продолженіе послѣдняго года.

****) Моя жена Анна Константиновна Черткова.

Сноски к стр. 10

***) Переводъ: „На пути къ тому мѣсту, гдѣ я хотѣлъ найти уединеніе, я. . . заболѣлъ“.

****) Докторъ Душанъ Петровичъ Маковицкій — домашній врачъ и близкій другъ Л. Н-ча.

Сноски к стр. 13

***) В. М. Феокритова, подруга Александры Львовны, находившаяся съ ней все время въ Астаповѣ.

Сноски к стр. 19

***) Вода для зубовъ.

****) Зубовъ.

Сноски к стр. 29

***) „Fais ce que doit, advienne que rouga“ — французская поговорка: „Дѣлай, что слѣдуетъ, будь что будетъ“.